

18+

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

Когда всё ушло

О пустоте, тишине
и том, что остаётся

СЕРГЕЙ МАРКОВ

Сергей Марков

**Когда всё ушло. О пустоте,
тишине и о том, что остаётся**

«Издательские решения»

Марков С.

Когда всё ушло. О пустоте, тишине и о том, что остаётся /
С. Марков — «Издательские решения»,

Когда привычная жизнь останавливается — боль, потеря, тишина — обнаруживается нечто неожиданное: пустота не пуста. Философское путешествие сквозь века и традиции: буддизм и даосизм, мистики и экзистенциалисты, физики и художники. О том, почему тишина — не враг. И как пустота становится свободой.

© Марков С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Когда всё ушло	6
Часть I. Мы боимся пустоты	7
Часть II. Путешествие: откуда пришла пустота	9
I. Индия. Примерно 800 лет до нашей эры	10
II. Китай. VI век до нашей эры	11
III. Индия снова. II век нашей эры	12
IV. Европа. Средние века и мистики	13
V. Европа. XX век. Экзистенциалисты	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Когда всё ушло О пустоте, тишине и о том, что остаётся

Сергей Марков

© Сергей Марков, 2026

ISBN 978-5-0070-0889-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Когда всё ушло

или что остаётся, если убрать всё остальное

Была боль.

Не метафора, не образ — настоящая. Она не отпускает и не даёт забыть о себе ни на минуту. Она пришла и закрыла за собой дверь. Одним движением она убрала всё, что я привык называть своей жизнью: дела, планы, привычные маршруты, разговоры, суету. Всё это просто исчезло — без объяснений, не прощаясь.

И тогда я обнаружил неожиданное.

Когда убирается всё — остаётся не ничто.

Остаётся что-то.

Это «что-то» не имеет имени. Это не мысль, не чувство, не воспоминание. Это была просто — тишина. Пространство. Присутствие без содержания. Я есть — и этого достаточно. Более того: это так много, что я растерялся.

Именно тогда родилась эта книга.

Мы живём в культуре, которая боится пустоты патологически. Каждая пауза должна быть заполнена звуком. Каждый свободный вечер — событием. Каждое молчание — нарушено. Мы носим в кармане устройство, единственная задача которого — не дать нам остаться наедине с собой ни на секунду. И мы благодарны ему за это.

Но что именно мы так боимся обнаружить в тишине?

Этот вопрос — не риторический. Философы задавали его тысячелетиями, и их ответы удивительны. Пустота, которой мы избегаем, оказывается не тёмной ямой, а чем-то совершенно иным. Буддисты называли её шуньятой — и видели в ней основу всего существующего. Даосы говорили: именно пустота внутри чаши делает чашу полезной. Мистики всех традиций снова и снова возвращались к одному: то, что мы принимаем за отсутствие, есть присутствие особого рода.

Пустота — не то, чего мы боимся.

Это то, что остаётся, когда бояться больше нечего.

Эта книга — путешествие. Мы пройдем сквозь тысячелетия человеческой мысли: от древнеиндийских упанишад до квантовой физики, от Нагарджуны до Сартра, от даосской тишины до христианской апофатики. Не для того, чтобы дать вам готовые ответы — а чтобы вместе задать правильные вопросы. Потому что правильный вопрос о пустоте уже изменяет того, кто его задаёт. Он немного расширяет внутреннее пространство. А это, как мы увидим, и есть начало.

Мы спросим, почему язык не может сказать о пустоте — и всё же говорит. Мы увидим, как из пустоты рождается творчество. Мы встретимся лицом к лицу со смертью — и обнаружим, что она не конец разговора, а его суть. И наконец — спустимся с высот философии в обычный день, в паузу разговора, в утреннюю тишину. Потому что пустота живёт не только в трактатах. Она рядом — всегда.

Читайте медленно. Пустота не терпит спешки.

Часть I. Мы боимся пустоты

или почему тишина стала врагом

Проведите эксперимент.

Прямо сейчас — отложите телефон. Не включайте музыку. Не открывайте новую вкладку. Просто сидите. Пять минут. Ничего не делайте.

Может быть, вы не медитируете. Может быть, никогда не читали буддийских текстов и не занимались йогой. Это не важно. Вы уже знаете пустоту — просто, возможно, называли её иначе. Или не называли вовсе. Эта книга — не для посвящённых. Она для всех, кто хоть раз чувствовал: за привычным шумом жизни есть что-то ещё.

Большинство людей не выдерживают и двух.

Это не слабость характера и не рассеянность. Это кое-что более интересное: глубокий, почти инстинктивный страх перед пустотой. Перед паузой. Перед моментом, когда между вами и тишиной не остаётся ничего.

Всё несчастье людей происходит от одного — от неумения спокойно сидеть в своей комнате.

— Блез Паскаль, XVII век

Паскаль написал это в 1660 году. С тех пор у нас появились смартфоны, потоковое видео, социальные сети и бесконечная лента новостей. Арсенал для борьбы с тишиной вырос многократно. Но сама тишина никуда не делась. Она ждёт — за каждым выключенным экраном.

...

В психологии есть термин — *horror vacui*. Буквально: ужас пустоты. Художники знают его хорошо: это навязчивое желание заполнить каждый сантиметр холста, не оставить ни одного пустого места. Но то же самое происходит с нашей внутренней жизнью.

Мы заполняем время так же судорожно, как средневековый художник заполнял пергамент. Встречи, обязательства, развлечения, тревоги — лишь бы не пусто. Лишь бы не тихо. Лишь бы не наедине с тем, что остаётся, когда уходит всё остальное.

Но что именно мы так боимся обнаружить в тишине?

...

Один из ответов — неожиданный: мы боимся обнаружить себя.

Не в романтическом смысле — не своё «истинное я» с его скрытыми талантами и нереализованными мечтами. Мы боимся обнаружить нечто более радикальное: что за привычным потоком мыслей, дел и ощущений нет никакого твёрдого центра. Что «я» — не монолит, а процесс. Не вещь, а событие.

Это пугает.

И именно поэтому мы так старательно отворачиваемся.

Мы боимся не темноты. Мы боимся того, что можем увидеть, когда к ней привыкнут глаза.

...

Но философы — и восточные, и западные — снова и снова говорили об одном: то, что мы принимаем за угрозу, есть приглашение. Пустота, которой мы избегаем, — не яма, в которую можно провалиться. Это пространство, в котором впервые можно расправиться.

Даосский мудрец Лао-цзы задал вопрос, который до сих пор не получил исчерпывающего ответа:

Тридцать спиц сходятся к ступице колеса — но именно пустота в центре делает колесо полезным.

— Лао-цзы, «Дао дэ цзин», глава 11

Чаша полезна своей пустотой. Комната — пространством внутри стен. Окно — проёмом, а не рамой.

Пустота — не отсутствие. Это условие возможности.

...

Прежде чем мы отправимся в путешествие сквозь века и традиции, стоит остановиться и честно спросить себя: а как именно пустота проявляется в моей жизни прямо сейчас?

Может быть, это усталость без причины. Ощущение, что делаешь много, а живёшь — мало. Тревога, которая не привязана ни к чему конкретному. Или наоборот — внезапная тишина, которая навалилась извне: болезнь, потеря, вынужденная остановка.

Пустота приходит по-разному. Но она всегда приходит.

И в этот момент у нас есть выбор: отвернуться — или посмотреть.

Эта книга — для тех, кто решил посмотреть.

Часть II. Путешествие: откуда пришла пустота

путешествие сквозь время и традиции

Для меня это путешествие началось в юности — с йоги. Не как фитнес, а как исследование. Мой учитель получил брахманский шнур — знак посвящения в традицию, которой тысячи лет. Тогда я впервые прикоснулся к восточной философии и открыл её для себя. Она объединяла всё в Едином.

Это было откровение. И одновременно — узнавание. Как будто я уже знал это — и просто вспомнил.

По природе своей я исследователь. Поэтому не принял восточную мудрость на веру — а начал проверять на себе. И обнаружил: когда начинаешь открывать себя изнутри, проявляется нечто, чего раньше не замечал.

К пустоте я пришёл через продолжительные физические боли. Вся моя обычная активность ушла. И я ощутил, что в конечном счёте всё что у меня есть — пустота.

Пустота не была изобретена. Она была открыта — снова и снова, независимо друг от друга, в разных концах земли, разными людьми, которые никогда не слышали друг о друге.

Это само по себе говорит о чём-то важном. Когда одна и та же мысль возникает в Индии, Китае и Греции почти одновременно — это не совпадение. Это значит, что мысль эта касается чего-то реального.

Отправимся в путь. Хронологически — но не скучно.

. . .

I. Индия. Примерно 800 лет до нашей эры

Первые следы ведут в древнюю Индию, к текстам, которые называются Упанишадами. Это не философские трактаты в привычном смысле — скорее записи разговоров между учителями и учениками, которые велись у костра, в лесу, на рассвете.

Один из центральных вопросов этих разговоров звучит так: что остаётся, если убрать всё? Тело — не я. Мысли — не я. Чувства — не я. Что тогда?

Ответ, к которому приходили снова и снова: остаётся чистое присутствие. Осознание без содержания. То, что нельзя описать, но можно пережить.

Нети, нети.

— Брихадараньяка-упанишада. «Не это, не это» — метод отрицания всего ложного на пути к истинному.

Нети-нети — не пессимизм и не отрицание мира. Это хирургический инструмент: убирать слой за слоем всё, что не является подлинным, пока не останется то, что убрать невозможно. Пустота — не конечная точка этого пути. Она — его условие.

. . .

II. Китай. VI век до нашей эры

Примерно в то же время, на другом конце континента, старый архивариус по имени Лао-цзы написал — или, по преданию, надиктовал на границе перед уходом в неизвестность — небольшую книгу. Пять тысяч иероглифов. «Дао дэ цзин».

В ней пустота занимает центральное место — но не как философская категория, а как живая реальность, пронизывающая всё.

Дао, которое можно назвать, не есть вечное Дао.

— Лао-цзы, «Дао дэ цзин», глава 1.

Великая Пустота у Лао-цзы — это не отсутствие, а источник. Не дыра в ткани мира, а сама ткань, невидимая именно потому, что она везде. Дао не поддаётся определению — потому что любое определение уже является ограничением, а Дао безгранично.

Ученик Лао-цзы Чжуан-цзы пошёл дальше — и сделал пустоту весёлой. Его притчи полны парадоксов, смеха и неожиданных поворотов. Повар, разделяющий быка так искусно, что нож никогда не тупится — потому что движется в пустотах между костями. Пустота здесь — то самое пространство между суставами, куда нож входит сам. Без усилия. Без сопротивления.

. . .

III. Индия снова. II век нашей эры

Прошло несколько столетий. Будда уже давно ушёл, оставив учение, которое разошлось по всей Азии. Но именно в это время философ по имени Нагарджуна сделал нечто радикальное: он взял центральное понятие буддизма — шуньяту, пустоту — и поставил его во главу угла.

До него шуньята понималась относительно скромно: как отсутствие постоянного «я» у человека. Нагарджуна распространил её на всё существующее.

Нет ни одной вещи, которая не была бы пустой.

— Нагарджуна, «Муламадхьямака-карика», II в. н.э.

Это звучит как нигилизм — но является его прямой противоположностью. Вещи пусты не потому, что их нет. Они пусты потому, что не существуют самостоятельно, в изоляции, как закрытые острова. Каждая вещь существует только через отношения с другими вещами. Радуга — через свет, воду и смотрящего. Стол — через дерево, плотника, гравитацию и того, кто за ним сидит.

Пустота у Нагарджуны — это другое слово для взаимозависимости. Мир не рассыпается на атомы. Он соткан из отношений насквозь.

. . .

IV. Европа. Средние века и мистики

На Западе путь к пустоте пролегал через другие врата — через богословие. Христианские мистики, которых называли апофатиками, пришли к похожему выводу с другой стороны: Бог настолько превосходит любое описание, что говорить о Нём можно только через отрицание.

Не «Бог велик» — потому что любая величина ограничена. Не «Бог добр» — потому что наша доброта слишком мала, чтобы служить мерой. Только: не это, не это, не это.

Бог есть ничто. Не в том смысле, что Его нет — а в том, что Он превосходит всякое «что».

— Мейстер Экхарт, немецкий мистик, XIV в.

Экхарт шёл так далеко, что его учение было осуждено церковью. Его «пустота души» — *Abgeschiedenheit*, отрешённость — описывала состояние, в котором человек освобождается от всех образов, понятий и даже желаний, включая желание Бога. Только тогда, по Экхарту, Бог может войти.

Экхарт называл это дверью. Не выходом — а входом.

. . .

V. Европа. XX век. Экзистенциалисты

Прошли века. Бог для многих перестал быть очевидным. И пустота вернулась — но теперь уже без утешения традиции, без гарантии, что за ней что-то есть.

Жан-Поль Сартр сидел в парижском кафе и писал о ничто. Не о буддийской шуньяте и не о даосском Дао — о головокружении перед бездной свободы. Человек, по Сартру, заброшен в мир без готового смысла. Эта пустота — не освобождение. Это головокружение.

Существование предшествует сущности.

— Жан-Поль Сартр, «Экзистенциализм — это гуманизм», 1945.

Мы приходим в мир без инструкции. Смысл не дан — он создаётся. И в этом зазоре между рождением и смертью, между вопросом и ответом — живёт та самая пустота, которую Сартр называл тревогой, а буддисты — приглашением к пробуждению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.